

Отец всех солдат

Кинематограф родился в XIX веке, но как вид искусства сформировался именно в XX веке. В этом заслуга деятельности национальных киношкол, в том числе грузинской школы со своими фильмами-шедеврами. Среди них надо выделить фильм «Отец солдата» (1965) Резо Чхеидзе.

Тема войны волновала мастеров мирового кино на всех этапах развития кинематографа, так как весь XX век был насыщен кризисными ситуациями, и война оказывалась ее разрешением. Слово пацифизм неотделимо от имени мастеров авторского кино, они искали причины войн и отвечали на них своими фильмами, образами своих героев, которые рассказывали правду и пытались приблизить себя и зрителя к истине. Об этом говорят фильмы и о Второй мировой войне.

Фильмы о Второй мировой войне сняты в разных киножанрах мастерами разных национальных киношкол. Например: итальянские неореалисты, а затем их последователи передали военное время – «Рим – открытый город» (1945) Р. Росселлини, «Солнце еще всходит» (1946) А. Вергано, «Опасно, бандиты!» (1951) К. Лидзани, «Чочара» (1960) и «Генерал Делла Ровере» (1959) В. Де Сика, «Сало, или 120 дней Содома» (1975) П. П. Пазолини и др; трагической мощью пронизаны польские фильмы «Дневник пани Ганки» (1963) С. Ленартовича, «Пассажирка» (1963) А. Мунка, юго-славская «Битва над Неретвой» (1969) В. Булайича, русская «Молодая гвардия» (1948) С. Гарасимова, «Они сражались за родину» (1975) С. Бондарчука и т.д. Французские картины «Бабетта идет на войну» (1959) Кристиана-Жака, «Большая прогулка» (1966) Жерар Ури, английская «Мистер Питкин в тылу врага» (1959) Дж. Пэдди Костэйрса сняты в жанре кино-комедии.

Есть картины о Второй мировой войне сняты в жанре кинопритчи. Обращение к иносказательным формам и с их помощью высказаться о войне, было предпринято еще в немом кино. В фильме «Конец мира» (1916)

© *Тугуши Сосо Акакиевич* – кинорежиссёр, доктор искусствоведения, член Гильдии кинорежиссёров РФ. Адрес: Гильдия кинорежиссёров РФ, Москва, ул. Васильевская, д. 3. тел.: 8(499)254-21-00. E-mail: ieras@mail.ru

Ключевые слова: Европа, “авторское кино”, XX век, пацифист, Первая мировая война, Вторая мировая война, тема войны, кризисные ситуации, философско-художественное произведение, кинопритча, трагическое, комическое, психологическое, старший лейтенант, виноградар, лоза, хурджини, бичо, швило, ненаглядная, Кахетия, Гурджаани.

А. Блом «...иносказательно пытался внушить зрителю идею обреченности мира». [Комаров, 1965: 321] В это время притча как жанр еще не был сфор-мирован в практике мирового кинематографа. Притча является самым сло-жным жанром во всех видах искусства, и, к сожалению, арсенал кинема-тографа, прозы, драмы, живописи и музыки не может гордиться его изо-билием. Архаический жанр притча выросла в искусстве XX века на кризи-сных ситуациях ушедшего века и мастера искусства к нему обратились ис-ходя из ощущений разных эпох двадцатого столетия. Притча в XX веке во всех видах искусства сформировалась как сложное, философско-художественное произведение и кинопритча предстает перед зрителями как экзи-стенциально-психологической драмой со сложной художественной струк-турой.

Скудным является перечень фильмов снятых в жанре кинопритчи о Второй мировой войне в практике мирового кино: «Сало, или 120 дней Со-дома» (1975) П.П. Пазолини, «Жестяной барабан» (1979) Ф. Шлëндорфа, «Бал» (1983) Э. Скола, «Список Шиндлера» (1993) С. Спилберга, «Вос-хождение» (1977) Л. Шепитько, «Иди и смотри» (1985) Э. Климова и др.

Наряду с мастерами европейского «авторского кино» мастера грузинс-кого кино обратились к теме войны, показав образ Второй мировой войны. Об этом говорят картины разных режиссеров: «Падение Берлина» (1950) М. Чиауреди, «Прерванная песня» (1960) Н. Санишвили,¹ «Отец солдата» (1965) и «Ну и молодёжь» (1969) Р. Чхеидзе. Именно во всем мире извест-ный фильм «Отец солдата» режиссера Резо Чхеидзе и сценариста Сулико Жгенти² снят в жанре киноприти. Почему? Ответ на этот вопрос надо ис-кать в творчестве сценариста С. Жгенти. Я, как режиссер придерживаюсь к той мысли, что успех фильма заложен в самой сценарии и главное, если он написан и снят по законам жанра. В основе сценария лежит личный, фрон-товой опыт сценариста, который хотел рассказать о пережитом, высказа-ться о самой страшной войне не как, например неореалисты методом до-кументалистики, а теми художественными средствами, которые показали бы не только им пережитую драму, но и зрителя приблизили бы к духов-ному и психологическому переживанию человека, который прожил на фронте одновременно жизнь и смерть, и, пережив трагедию, остался муд-рецом, духовно стойким личностью, воплощением лучших черт грузинс-кой нации. Сценарист обратился к эстетическим категориям комическое и трагическое, языку комедии и трагедии. Фильм по типологии кинопритчи представляет трагикомическую притчу.

Что привлекло в эстетических категориях трагическое и комическое автора сценария для передачи своей мысли, если картина повествует о гру-зинском крестьянине-виноградаре который попадает на фронт в поиске единственного сына, его духовном мире, его доброте и противостоянию злу?

---

¹Фильм совместное производство «Грузия-фильм» и киностудии «Колиба» (Чехослова-кия).

²С. Жгенти и Р. Чхеидзе выпускники ВГИКа 1953 – 1954 гг. В это время во ВГИКе учились выходцы из Грузии С. Параджанов, Т. Кулиджанов, Л. Нехорошев.

В категории трагическое привлекло то, что трагическое: та сторона человеческого существования, которая свидетельствует о том, что человек всегда может столкнуться с величественными силами, грозящими ему смертью; как проблема противостояния современного человека злу, господствующему в окружающем его мире; трагическое выражается позитивно неразрешимым в данных условиях конфликтом, влекущим гибель или тяжелые страдания более или менее достойных, заслуживающих глубокого сочувствия людей.

Трагедия в жизни и сознании – это экзистенциальный опыт. В экзистенциализме трагический разлад человека с самим собой, с другими людьми, с обществом, с Богом, трагизм войн, революций, катастроф, абсурдность жизни занимают главное место. Однако здесь речь идет или просто о трагизме человеческого существования, или о его отображении в искусстве без создания трагической коллизии и без выведения реципиента на эстетический катарсис и эстетическое наслаждение.

Комическое: является противоположностью серьезного и трагического в жизни, оно порождает у человека характерную психологическую реакцию в виде улыбки, смеха, хохота, разворачивается во всей полноте своих эстетических возможностей применительно к повседневности обыденных нравов, к различным проявлениям человеческого несовершенства; средство для художественного осмысления действительности и как средства для создания метафор человеческой жизни. Комические формы дают возможность сделать глубокий анализ философских проблем: понять сущность человека, взаимосвязь индивидуального и социального, единичного и типического.

Драматургия фильма выстроена так, что комическое и трагическое не существуют самостоятельно, они, меняя друг друга, способствуют как ослаблению, так и усилению комического и трагического накала фильма в нужных обстоятельствах. В картине комедийные сцены естественно вызывают смех, но они несут в себе порой малозаметную трагическую нотку. Автор сценария так вплетает комическое и трагическое в фильм, что в необходимых обстоятельствах они оказываются способными разрешить различные конфликтные ситуации, выявляют психологическое состояние героя в самых острых обстоятельствах. Режиссер смог воссоздать атмосферу военной эпохи, создать поразительные образы людей, раскрыть взаимоотношения между персонажами и главное народный дух. Фильм начинается и продолжается именно с комическими сценами, характеризующие теплоту, человечность грузинского виноградаря. Обратимся к тексту фильма.

Для виноградаря лоза это дитя, как для матери младенец. Он сажает, выращивает и бережет лозу пока она дает плод. Георгий Махарашвили, поправив свалившую подпору виноградника и обласкав лозу, широким шагом, задумчивым лицом, направляется к машине, который должен увезти его в сторону фронта. Он без слов, терпеливо, выслушивает по дороге «советы» жены и соседей сидя в кузове грузовика с набитым хурджи. Комическое проявляется во внешности героя, его походке, взгляде, в его неожиданном взрыве. Все это вызывает смех. Георгий широким шагом идет по пыльной дороге, висит на ступеньке набитого народом вагона с замученным выражением лица, уговаривает хозяина телеги взять его в сторону Дуброво, неуклюже, чуть не перевернув телегу, забирается в нее. Все это вызывает смех и здесь же автор неожиданно вводит трагическую

нотку. Хозяин телеги в матроске, оказывается человеком без ног, что вызывает в Георги глубокую жалость.

Сцена в госпитале вызывает смех, когда Георгий объясняет регистратору как выглядит его сын Годердзи, общаясь с ним то грустным, то радостным лицом – такой высокий, красивый, а затем, не осознав о случившемся, «играя» разные состояния, вызванные отрицательным ответом регистратора говорит: что нету слушай, сейчас есть, а сейчас уже нет...куда уехал, слушай... как уехал, я не понимаю... Недоверчивым лицом выхватывает у регистратора книгу и читает, говоря, нет, по русский читать не умею... Грустно подняв плечи и печально смотря в никуда, удивленно продолжил говорить, разве мой сын неправду сказал мне? Оказавшийся перед хирургом, он объясняет с трагическим лицом: товарищ дохтур...да...я поездам ехал, ехал, ехал, потом машина ехал, лошадь тоже ехал, да...а...он говорит, что мой сын нет. Пробравшийся в палату, где лежал Годердзи, отец солдата смешит и дарит свое отцовское тепло раненым, ведь они также сражались на поле битвы, как и его сын. Отец солдата оставляет хурджини набитый грузинскими деликатесами раненым, решив вернуться домой, а они, со своей стороны уговаривают его повидаться с сыном в его части, в Деми-дово, находящего в двух часах езды от госпиталя.

Сцена на железнодорожной платформе продолжает комический накал картины. Не решивший поехать дальше, Георгий бежит за паровозом, кри-ча, подожди, подожди, слуши, это...Грузия, Грузия...тьфу...и получает от-вет машиниста о том, что Грузия далеко отсюда.

К Георгию престаает солдат по имени Аркадий. Он выпрашивает у него о цели поездки в сторону фронта, на что он на грузинском языке от-вечает горестно – нечего тебе делать что ли! Здесь ощущается отчаяние че-ловека, который потерял надежду и пытается вернуться в родные края, од-нако его тяготит мысль найти сына-танкитста. И что же делать? Именно Аркадий и уговаривает доехать до Демидово, увидев приближающегося поезда. Он бежит к составу, продолжая на ходу уговаривать старика сле-довать за ним и прыгает между вагонами, удерживаясь за сцеплением.

К задумавшему Георгию приближается часовой с вопросом, что он здесь бродит? На что он отвечает страшным грузинским акцентом: «Что? Я здесь гуляю, вот еще! А потом отсюда погуляет туда...». Эта фраза на ло-манном и не правильном русском языке вызывает смех у зрителя. После очередного уговора Аркадия крестьянин, бурча о том, что у него нет до-кументов, бросает свой узел ему и довольно ловко, пыхтя, вспрыгивает на поезд, что вызывает очередной смех.

Георгия, так как его документы не действительны, арестовывают и он опять на ломанном русском объясняет офицеру, повторяя, что он ехал, ехал, поезд, машина, лошадь...Эта сцена порождает очередной смех зри-теля, а старик своей искренностью убеждает офицера в своих страданиях, муках, что вызывает сострадание.

Вышеописанные сцены говорят, что профессионализм, дар перевопло-щения актера С. Закариадзе, сыгравшего роль отца солдата, дает ему воз-можность показать в своем естестве трагическое и комическое, приблизить зрителя к своему внутреннему состоянию, волнению и зритель становится соучастником комедийного и трагического пафоса фильма. Актер делает это настолько мастерски идя от внутреннего переживания к внешнему, что зритель максимально погружается в тех обстоятельствах, в которых он оказывается и

естественно реакция зрителя на все это смех и слезы. Этому способствует и тот факт, что режиссер Р. Чхеидзе использует натурные съемки, все ситуации в таком ракурсе, чтобы они способствовали раскрытию внутреннего мира, психологического состояния виноградаря.

Трагедийная нотка наряду с комедийным постепенно вклинивается в повествование и выходит на первый план. Эта ощущается в сцене в избе, где на полу лежат солдаты, а у стола сидит пожилая женщина и чинит гим-настерку. Георгий прислушивается к разговору Аркадия и его знакомого Никифорова, которого он не очень понимает и оценивает всего лишь ми-микой. Вдруг задрожат стекла избы, доносится гул танков. Георгий выбегает на улицу. Именно здесь и срабатывает внутренняя реальность крестьянина, который «заставляет» его приблизиться к внешнему, увидеть желаемое. Этот психологический момент усиливает смысл этой сцены. Георгий всматривается в цифры танков на башне, ищет номер четыреста шесть-надцать и кричит: Годердзи! Эй...Годердзи!... Бичо! Эй...эй...Годердзи!... Танки с грохотом проходят, а старик все кричит на грузинском: Годердзи, швило! (Годердзи, сынок!). В кадре видна мощная фигура крестьянина на фоне удаляющихся танков, что вызывает трагическое ощущение.

Рассвет. Раздаются далекие взрывы. Вдруг снаряд взрывается вблизи избы, все выскакивают на дорогу. Солдат Назаров объясняет Георгию, что плохи дела, отец, немец наступает. Георгий, не зная куда ему ехать, попадает на поле боя, где горит спелый хлеб. В этот момент срабатывает у крестьянина, сына земли инстинкт. Он не вступает в бой, а полон желания спасти горящий хлеб. Сбросив с себя куртку, он со всей силой им пытается потушить огонь. В этой сцене передается характерный для грузинов архаическая черта – спасти землю, хлеб засуши, ведь культура и человечность древней Грузии и его мудрость начинается именно с земли.

На глазах Георгия немец убывает Аркадия и смело шагает по хлебному полю, выбрасывая пустую кассету автомата и питаясь заменить новым. Георгий тяжело двинулся в сторону немца, крича ему вдогонку: Эй ...подожди! В этой сцене тоже присутствует психологический момент. Увидев странно одетого невооруженного человека немец на мгновение оторопел. Георгий одной рукой вырывает у него автомат, а другой со страшной силой ударяет. И здесь появляется мужество крестьянина, он не стrelяет, а кулаком справляется с врагом, так же как и в прошлом справлялись его предки с врагом на поле боя.

Вышеописанную трагедийную сцену сменяет комедийная. Георгий оказывается в штабе, где он доказывает свою не только физическую, но и духовную силу пожилому генералу и офицерам, обходя их с недовольным лицом. Солдаты уговаривают генерала зачислить его в часть. Вспомним диалог.

Генерал (улыбаясь) – Ты чего такой сердитый, отец?

Георгий – Потому, что умное слово хочу слышать, наконец! А здесь я только слышу, что ты старый, тебе трудно будет здесь. А что молодым легко, да?

Генерал – А сколько тебе лет?

Георгий – Мой отец 115 лет жил, да, и всегда был молодец.

Георгий снимает с себя куртку, швыряет на пол, предлагает побороться.

Георгий – Если кто-нибудь меня здесь сейчас поборет, то тогда я ничего не

скажу, прямо поеду домой!

И Георгий принимает воинственную позу. Генерал крепко пожимает руку старику и начинается солдатская жизнь отца солдата, дошедшего до Германии, до Берлина в надежде найти своего сына.

И очередная комедийная сцена. Георгий оказывается на службе в воинской прачечной. Недовольным выражением лица он наливает воду то в лоханки, то дрова тащит к котлу, бурча на грузинском языке, черт побери. Вдруг разгорается бой, он бежит в траншею через поле и натывается на Никифорова, который упрекает его в том, что он бросил пост, на что по-лучает сердитый ответ Георгия: какой это пост, это...давай вода, давай дрова, это пост называется...я приехал сюда стирать или воевать? Мой отец воевал, его отец воевал, его отец, его, его отец воевал тоже. Георгий считает себя преемственником этой традиции и поэтому так гордо говорит об этом.

Солдаты бегут через немецкую траншею, среди них Георгий. Падает снег. Солдаты спят в снегом засыпанной траншее, наступает новый год. К ним подъезжает сани, с музыкантами и подарками. Никифоров обводит взглядом траншею, его взгляд останавливается на спящего Георгия и про-сит сыграть что-нибудь грузинское и раздаётся зажигательная мелодия, ко-торая вдохновляет всех.

Колона солдат идет в снежной буре, среди них Георгий, протирающий комком снега лицо и говорит: надо прогнать сон. Солдаты ползут, взрыв покрывает их густым слоем снега. Переползая через маленький холмик, Георгий что-то задевает локтем. Останавливается, руками разгребает снег и обнаруживает пограничный столб с надписью СССР. От неожиданности старик на мгновение застывает над дощечкой и радостный кричит: Эй! Вот, вот. Николоз, Николоз! Иди, иди, вот это уже, уже! Радостное состояние Георгия и его слова воспроизведенные детским восторгом вызывают очередной смех зрителя. На холме вырастает пограничный столб.

После этой сцены комические ситуации идут на нонет, и трагическое находит свое разрешение.

Весна, Германия. По широкому мосту движется военная техника, грузовики с солдатами. Среди них Георгий. Он с Никифоровым замечают надпись на арке моста: здесь первыми прошли танки старшего лейтенанта Махарашвили. Георгий спрыгивает с машины и по слогам читает надпись. В этот момент он забывает, что находится на войне, ведь он «встретился» с сыном. И здесь опять психологическая ситуация. Внутренняя реальность приближает его к внешнему. Этот психологический момент дает ему заряд быть и действовать. Он идет к цели: здесь, это – мой сын здесь, нашел я его, найду, слуши, уже, молодец он! Я его найду, здесь близко он, слу-ши...он, он! Вот думаю я, какой стал теперь мой сын... У Георгия появля-ется надежда, что и двигает его дальше.

Пройдя через усадьбу, Георгий прыгает через поваленный забор и на-тыкается на виноградник, не веря своим глазам. Затем нагибается, ласкает каждую лозу, каждый листок, шепча, говорит про себя: ты откуда взялась здесь, лоза любимая.

По легенде, Грузия Богом избранная земля и он дал ей около пятисот видов лозы, поэтому в Грузии лоза культовая фигура. В народе говорят, что тот, кто лозу срежет, его накажет сам Бог. Для виноградаря лоза живое, он всю жизнь лелеет за ним. Лоза воспевается в старинных грузинских многоголосных песнях и стихах. Георгий продолжает

разговаривать с лозой: как ты обрадовала меня, родимая!...как я соскучился по тебе, ненаглядная. Виноградар находит на земле врага то, что надо сберечь, лозу, то есть жизнь.

В этой сцене разгорается острый конфликт между танкистом и Ге-оргием, в котором крестьянин проявляет свою мудрость. В этой сцене комическое и трагическое смешаны.

Виноградар, увидев танки, бросился к танкистам, спрашивая, знают ли они его сына, но получает отрицательный ответ. Вдруг танк развернулся и пошел прямо по кустам виноградника, подминая под собой кусты. Для Георгия эта трагедия, смерть живого и в недоумении бросился против идущего танка, остановив его, ругается с танкистом: что ты сделал, слуши, это же виноград, не видишь? Щенок ты! Давая пощечину и повалив на землю танкиста, (что вызывает смех) упрекает его в том, что ему не жалко виноград, ведь он живой, ему больно, а он еще не одно дерево не сажал, не растил и указывает на невинного немецкого мальчика – давай, стреляй в него! В этой сцене Георгий убеждает всех, как присутствующих солдат, так и зрителей в том, что нельзя уничтожать лозу, живую жизнь, жизнь человеческую, она должна быть длинной дорогой в будущее для каждого человека. Здесь можно вспомнить первый застольный тост грузинов – пусть всегда будет мир в ваших семьях.

Трагическое свой пик достигает в финальной сцене. Оно здесь меняет внутреннюю реальность приблизивший к внешнему вплотную. Радость меняет неожиданная ситуация, горе, большое человеческое горе.

Солдаты атакуют большое старинное здание, на третьем этаже которого укрепились советские солдаты. Задача роты – уничтожить врага находящегося на верхнем этаже и освободить воинов. После сильной перестрелки затишье. Вдруг с третьего этажа слышится грузинская песня. Прислушавшийся к ней Георгий радостно кричит: эй, парень, ты что, грузин? Им окажется Годердзи. Промелкает силуэт его фигуры. Георгий продолжает кричать.

Георгий – Георгий я, Георгий, отец твой! Наконец я встретил тебя!... Доносится удивленный голос Годердзи.

Годердзи – Откуда ты взялся, отец? Как попал?

Старик со счастливой улыбкой смотрит вверх. В его глазах любовь и нежность. Здесь важен следующий диалог.

Годердзи – Отец!

Георгий – Осторожнее, сынок... Стой, не двигайся.

Годердзи – А как там мать?

Георгий – Кто знает, пишет, что хорошо.

Не напрасно фильм начинается со сценой, где Георгий поднимает и поправляет лозу. Для него лоза и сын одно.

Годердзи – Как наш виноградник?

Георгий – Твоя лоза оказалась удачной и вино доброе дает...

«Твоя лоза», то есть Годердзи тоже сажал дерево жизни и заботился о нем и сейчас воюет за жизнь, за добро, участвуя в справедливой войне.

На третьем этаже раздается взрыв. Георгий кричит: Годердзи! Годердзи, бичо. Ответа с третьего этажа не слышно. Тишина. Солдаты тоже ждут ответа, но... От крика Георгия задрожали стены: Годердзи! Ответа нет.

Георгий срывается с места, бежит вверх, охваченный тревогой кричит: Годердзи, бичо! Вместе с солдатами пробирается по развалинам в дыму и пыли. И вдруг он кричит: Годердзи, ваиме швило! (Горе мне, сын мой). Георгий подходит к сыну, осторожно переворачивает его тело на спину. Годердзи медленно открывает глаза и произносит всего лишь одно слово – отец. Молодое, стройное, сильное тело Годердзи вдруг обмякло, и он повисает на руках отца. Георгий дрожащей рукой проводит по телу сына, говоря: как ты вырос, сынок мой! Какой стал большой! А затем гнетущая тишина, Георгий не знает что сказать, слезы душат его и говорит последние слова Годердзи: матери твоей что сказать, сынок?! Георгий, опустив голову, склоняется над телом сына. Отец нашел сына, но судьба лишила его.

Этой трагической сценой заканчивается фильм, но там же режиссер показывает кадр, снятый на мосту, повествующий: здесь первыми прошли танки Героя Советского Союза старшего лейтенанта Махарашвили. Никто не забит, ничто не забыто, герои остаются во времени, в истории.

Сцена с лозой и сцена гибели Годердзи имеет внутреннюю, человеческую связь. Уничтожение лозы и смерть человека одно горе, оно символизирует общечеловеческое горе. Это смерть жизни, конец света и может быть ощущение апокалипсиса, который грозит и сегодняшнему дню. Не напрасно герой фильма виноградарь. Фильм начинается и заканчивается тем, что он ласкает и прощается со свалившимся виноградником и прощается с погибшим сыном. Лоза и человек для него живое, которое надо беречь.

Георгий Махарашвили не только отец погибшего солдата. Он обобщенный образ всех отцов, сыновья которых воевали и погибали за освобождение своих родных земель, за свободу. Вспомним слова солдата Аркадия: «На фронте у всех одно имя...солдат», которого воспитал отец как солдата. Георгий национальный образ, человек, который ищет соразмерности порядка своей индивидуальной души с миром, сохраняя божественное начало в человеке.

Отец солдата символизирует человеческую духовную стойкость, его мудрость и здравый разум, неся в себе линию и дух тех героев грузинской нации, благодаря которых Богом избранная многострадальная грузинская земля выжила от нашествия внешних врагов. Отец солдата живой мону-мент вечной жизни, человеческого естества, он национальный герой, сохранивший в себе все ценности древней земли и реализованные в кризисных ситуациях двадцатого столетия. В восточной Грузии, в Кахетии, в селе Гурджаани, откуда уехал Георгий на фронт, после выхода фильма был воздвигнут памятник отцу солдата, который напоминает всех о мужестве и храбрости грузинских воинов.

Есть фильмы, притом довольно приличные, которые в сознании зрителя остаются всего лишь годами, а есть фильмы, которые остаются на всю жизнь в памяти. Такой картиной предстает «Отец солдата», реальность которого всегда вызывает смех и слезы, приближает человека к ужасам, которых пережило человечество именно языком комедии и трагедии. Эта картина помогает человеку почувствовать себя проникательным, тонким психологом, проникшего во внутренний мир индивидуума, цепляет зрителя и удерживает его внимание по всей полноте.

Образ отца солдата, успех этого персонажа и вообще фильма за пределами Грузии, адекватность восприятия этого героя и картины в иной культурной среде, – яркий пример коммуникации на основе типологической общности художественного мышления.

Эта картина притча о войне, о том, как человек пытается сохранить истоки жизни, человечность, доброту и добрую волю ради будущего. Повторим слова виноградаря, обращенные к сыну: твоя лоза оказалась удачной и вино доброе дает.

Две мировые войны сделали XX век самым жестоким и алогичным, самым трагичным в истории человечества. Трудно пророчествовать о будущем, где скрыто гораздо больше, чем в прошлом и в настоящем. По мнению многих мыслителей, «XXI век – будет временем духовного роста человека. Сумеет ли XXI век выполнить эту задачу?». [Померанц, 1995: 381] Вопрос о грядущем всегда открыт. И только «...рождение подлинного человека, совершенного как личность, не находящегося больше в плену у страха, предрассудков, а действительно свободного, сможет гарантировать построение человеческого общества...способного последовательно защищать человеческую личность». [Феллини, 1988: 190] Каждый человек должен искать опору в себе, так как нравственное сознание личности – залог возрождения. Как считает Франсис Понж, «Человек – это будущее человека». [Сартр, 1989: 328].

Список литературы:

Комаров С. История зарубежного кино. В 2-х т. М.: Искусство, 1965. Т. 1. 321 с.

Померанц Г. Выход из транса. М.: «Юрист», 1995. С. 380.

Феллини Ф. Феллини о Феллини. М.: Радуга, 1988. С. 190.

Цит. по: Ж.П. Сартр. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политическая литература, 1989. С. 328.

Author. Soso Tougouchi. Film director, Doctor of Arts, member of the Cinema Directors' Guild.

Address: Russia, Moscow, Vasilyevskaya street, 3. тел. 8(499)254-21-00. **E-mail:** ieras@mail.ru

References

Comarov S. Istoria zarubejnogo cino. // Comarov S. Story of foreing cinema. M.: Iscusstvo, 1965. 321 s.

Pomerenz G. Vichod iz trensa. // Pomerenz G. Out in trens. M.: «Jurist», 1995. 380 s.

Fellini F. Fellini o Fellini. // Fellini F. Fellini on Fellini. M.: Radouga, 1988. 190 s.

Sartre J.P. Existentializm – eto gumanizm. // Sartre J.P. Existentialism – this is humanism. // Twilight of Heaven. M.: Politicheskaja literature, 1989. 328 s.
of Heaven. M.: Politicheskaja literature, 1989. 328 s.